

18+

Стрела и мост

Василий Антонов

Василий Антонов

Стрела и мост

«Издательские решения»

Антонов В.

Стрела и мост / В. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595536-4

Повесть Виктора Пелевина «Желтая стрела» кажется своеобразным продолжением истории о Затворнике и Шестипалом. У этих сказок о силе немало общего, но в «Стреле» автор впервые говорит о том, что без учителя обойтись все-таки можно. Что и без нагваля может быть игра.

ISBN 978-5-00-595536-4

© Антонов В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	13
4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Стрела и мост

Василий Антонов

© Василий Антонов, 2023

ISBN 978-5-0059-5536-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

*Мое место слева
И я должен там сесть
Виктор Цой*

Повесть «Желтая Стрела» начинается с пробуждения главного героя. Он просыпается в купе поезда, рядом – сосед, а за окном проносятся однообразно-привычные пейзажи. Похоже, что перед нами описание обычного, правда несколько затянувшегося железнодорожного путешествия. Герой куда-то едет, видно что он пообвыкся с дорожным бытом, как это бывало с каждым из нас на второй-третий день пребывания в поезде. Правда, главный герой по имени Андрей не так уж и плохо устроился – просыпается в купе, которое делит с пожилым попутчиком, неким Петром Сергеевичем. В остальном, перед нами типичное утро в поезде, когда надо просыпаться, дожидаться очереди в туалет, курить в тамбуре, с кем-то говорить или даже переругиваться.

Неизвестно, как долго Андрей является пассажиром этого поезда. Но сразу бросается в глаза его притертость к происходящему. Например, сосед Андрея Петр Сергеевич ведет себя как старый знакомый. То, что они накоротке – проскальзывает в диалоге, а для этого надо провести вместе не один день. Герой просыпается в этом месте уже не первый раз, о чем говорит его настроение, то как долго он лежит с закрытыми глазами, в полудреме, пытаясь бороться с окружающим днём.

Интересно, что Шестипалый начинает свою, скажем так, борьбу там, где социума уже нет. За строкой остаётся его жизнь в птичьем сообществе, как и последующее за этим изгнание. Мир отторгает белую бройлерную ворону, тогда как герою «Стрелы» Андрею приходится сопротивляться его всасыванию, втягиванию в социум «Желтой стрелы».

Шестипалого выгнали из общества один-единственный раз, но Андрею приходится прогонять социум снова и снова, раз за разом терпя поражение. Андрей осознает себя не просто чужим внутри мира-ловушки, каким мог быть птичий двор для персонажа сказки Андерсена. Нет, он плоть от плоти этого мира. Он – свой, никаких мутаций, аномалий или отклонений в развитии. Разве только какая-то внутренняя чужеродность, *нетакусеишность*, а от этого и общая неустроенность. Правда, последнее пока только ещё накапливается, постепенно подбываясь к критической отметке. Если продолжить аналогию с Шестипалым, то герой «Желтой стрелы» находится неподалеку от кормушки, никто не прогоняет его куда подальше, да и куда прогонять-то? Идущий на полном ходу поезд уподобляется веренице отсеков на слишком быстром конвейере, с которого не так-то просто соскочить. Изгнание из социума в таком случае попросту исключается. И если в границах родного отсека для Шестипалого могло найтись место для изгоев и отщепенцев, то между вагонами не очень-то и побегаешь. И даже учитель Андрея – ещё один из пассажиров, а не бройлерный нагваль, приходящий из-за Стены Мира.

Да, у Андрея и его старшего товарища Хана есть небольшой люфт, ведь они смогли слегка взломать, скажем так, хакнуть окружающую реальность. Так Хан может провести своего подопечного в один из довольно отдаленных вагонов «Стрелы», а в другой ситуации герои даже встречаются на крыше поезда. Здесь как будто бы напрашивается параллель с преодолением Стены Мира, точнее сценой, когда Шестипалый впервые забрался на её верхний край, но мне видится, что это не совсем так. Поезд со всеми вагонами, вся «Стрела» – это и есть один отсек на одном конвейере, а не вереница таковых. Здесь нет промежуточных уровней, каких-то трещин между мирами, других вселенных и тому подобных вещей. В поезде все предельно просто: ты либо едешь, либо нет. А вот у героев «Затворника» есть выбор, например, быть

внутри отсека, на конвейере, или же прятаться где-нибудь под ящиками, подальше от всего этого безумия.

Но вернемся к проблеме героя «Стрелы», тому, что выше было обозначено как втягивание, всасывание Андрея в повседневность внутреннего бытия «Желтой стрелы». Как-то все это хищно, агрессивно, что ли. Кстати, история про цыплят обладает куда более жестким характером. Это история о том, что происходит с теми, кто находит в себе силы покинуть орбиту социума. Их уносит в открытый космос, где слишком холодно и одиноко, хотя и есть место, чтобы расправить крылья. Это история про беспредельное одиночество, которому нет конца и края. История про смерть, что крадется за тобой по пятам, и у которой тысячи обличий. История о мире, где безопасность – это в лучшем случае иллюзия, а в худшем – аномалия, беспорядок. В общем, все как мы любим ещё со страниц книг Кастанеды. В мире, где за каждым охотится смерть... И так далее, снова и снова, пока не отпечатается, подобно заповедям на каменных скрижалях.

А вот внутри «Желтой стрелы» Андрей будет в социуме до самой последней остановки. И, в общем-то, железнодорожное путешествие, куда безопаснее поездки на машине или авиапеллета. И то правда, что угроза надвигающейся катастрофы – тоже смертельно опасная угроза, но когда ещё это будет? Автор не ставит четких сроков, оставляя этот финал открытым. А значит, образ разрушенного моста где-то впереди носит куда более абстрактный характер, чем вид раскрытых створок Цеха №1. В «Стреле» Андрею угрожают опасности несколько иного рода, чем угроза физической гибели или тому подобных неприятностей. Ловушки и капканы, расставленные у него на пути, в большей степени угрожают его душе, чем телу. И все это находится здесь, по сути, в обычном мире, а не где-то в иной и отдельной реальности.

Затворник вытаскивает Шестипалого на ту сторону, за грань. И это происходит уже в тот момент, когда гаснут первые лампочки. Это прекрасно иллюстрирует то, что проделывал с Карлосом и его учитель Хуан Матус. Мир обычных людей заканчивался для Кастанеды где-то посередине между Лос-Анджелесом и пустыней Сонора. Писатель давил газ, крутил баранку, но в какой-то момент – раз! – и его автомобиль пересекал невидимую границу, черту, за которой становилось возможным все. А обычные люди исчезали, растворялись словно призраки. А вот те, кто были призраками – духи, союзники, всякие брукос – обретали плоть. Как-то так. Художественное отражение этого, кстати, также находит свое место в «Затворнике». Так, стоит героям спрыгнуть с конвейера, как они попадают в реальность, где проще встретить крысу, чем кого-нибудь из Двадцати Ближайших.

И ещё. В «Затворнике» была дистанция между обитателями одного мира. Большие и маленькие. Могущественные и не очень. Сотрудники комбината для желторотых не иначе как боги, и рядом, практически у них под ногами – простые смертные в лице Затворника и Шестипалого. Комбинат нечто абсолютно чуждое и противоестественное для персонажей птичьей истории, им там не место. А лучшее что у них есть – умение летать – лишнее под потолком Цеха №1.

В «Стреле» с этим попроще. Нет никаких сверхъестественных существ или явно чужеродных носителей осознания. Поезд построен людьми – и для людей. Есть проблема с управлением, но никому и в голову не придет приписывать это вмешательству неких потусторонних сущностей. Да и в финале Андрей останавливает поезд своим намерением, волей, хотя это может быть и сном. Но тем не менее, поезд реален, насколько может быть реальной обычная человеческая жизнь. Так несколько раз Андрею приходится пересекаться с кем-то, очень напоминающим проводника. Но все равно поезд не система, подобная комбинату, которая проглотит тысячу Затворников и даже не подавится. Поезд не производство, поезд не человеческая плантация в стиле «Матрицы», не мир-тюрьма. Наверное, в большей степени, поезд – баг, пример больного, обезумевшего человеческого мира. Именно человеческого, потому что людям и только людям надо как-то спасать себя, добираться до кабины машиниста надо добраться

до кабины машиниста, чтобы разобраться в чём дело, чтобы выяснить, а кто вообще ведёт этот поезд и ведёт ли?

2

*Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.
Борис Скорбин*

Возраст главного героя говорит сам за себя. Мы видим Андрея молодым мужчиной двадцати восьми-двадцати девяти лет. Андрей в том возрасте, когда надо или найти выход в новую жизнь, либо до конца своих дней застрять где-нибудь между крышей и вагонами «Желтой стрелы», повторяя путь кого-либо из бывших друзей или старых знакомых. Необходимость определиться, грубо говоря, ответить перед людьми, а кто ты по жизни – довлеет над Андреем ничуть не меньше, чем скорое прибытие отсека с цыплятами в Цех №1. И если Шестипалый может умереть там физически, то Андрей, вероятнее всего, погибнет духовно. Забегая вперёд, стоит сказать, что один раз это уже почти произошло, когда Андрей забыл о том, что поезд идёт к разрушенному мосту, и что он – один из его пассажиров. Интересно, что встряска Хана, чем-то напоминающая удар нагваля, показывает нам Андрея как человека однажды забывшего открывшуюся ему истины.

Но что дальше? Автор ведёт своего героя к спасению, к остановке мира-поезда, но попробуем представить себе другой финал. Например, Хан исчезает, оставляя письмо, но это ничего не меняет, ну или Андрей попросту не может им правильно воспользоваться. Как я и подчеркивал выше, поражение, духовная неудача Андрея не грозит ему гибелью в прямом смысле этого слова. В принципе, его ждет жизнь обычного человека, который, судя по всему, довольно быстро забудет о том, что когда-то был в числе тех, кто искал другой жизни, кто пытался остановить поезд. В конце концов, Андрей может превратиться в своего соседа Петра Сергеевича, который, конечно же, знает о том, чем всё закончится, но не видит в этом никакой практической ценности. Знание о том, что поезд идёт к разрушенному мосту видится ему одной из житейских аксиом, вроде – мы все умрём, которые, как известно, на хлеб не намажешь. Ну, идёт и идёт, а нам как-то жить надо.

Любопытно, что возраст Андрея приблизительно совпадает с возрастом автора на момент написания «Стрелы». Это приближение к кризису среднего возраста, а то и проживания его в одном из вагонов своей жизни. Андрею под тридцать и его состояние может нести на себе отпечаток тревоги автора, острого и болезненного ощущения, что поезд надо останавливать, отжимать свой стоп-кран как можно скорее, иначе рискуешь примириться с происходящим, пойти на ранее неприемлемый, невозможный компромисс. Иначе говоря, страх вновь забыть о главном, смятение от осознания того, что это уже произошло, а то и происходило, причем не один раз – подталкивает Андрея к активным решительным действиям.

Почему же герой однажды забывает о главном? Или почему это вообще произошло с Андреем? Здесь мы видим чуть ли не главное предостережение автора для читателей, а может и себя самого. Путь Андрея – путь одиночки. Рядом с ним нет Хуана-Затворника, а потому ему приходится сталкиваться с совершенно новыми и необычными духовными ловушками и препятствиями. Да, путешествие между вагонами, пожалуй, носит куда более безопасный характер, чем радикальные прорывы за Стену Мира, но социальная действительность «Стрелы» усыпляет, убаюкивает по-своему.

Да, у Андрея все равно есть Хан. Старший товарищ, наставник, отчасти – учитель. Именно он встряхивает Андрея, приводит его в состояние повышенного осознания, помогает вспомнить о главном. Но если задуматься, то Хан не так важен для спасения Андрея,

как Затворник для Шестипалого. Хан как бы немного отступает от Андрея, становясь элементом, частью диалога, который ведет с главным героем окружающий мир. Люди, вещи и явления, окружающие Андрея становятся репликами, обращенными к нему лично, причём многие из них несут в себе важную информацию, чуть ли не знание о том, как спастись, как остановить поезд. Видится идеальным решением вообще освободить повествование от Хана, исключить этого персонажа из числа пассажиров, привести Андрея к полному и окончательному освобождению через набоковскую мистику созерцателя, своеобразного соглядатая железнодорожного бытия, когда в наставнике-человеке попросту нет необходимости. С героем говорит Фатум, Судьба, Рок... Или как это принято сейчас говорить – Вселенная. Освобождая ученика от учителя, автор избавляет главного героя от потрясения, вызванного расставанием. Нечто подобное мы видим на примере Кастанеды, которому все равно пришлось остаться одному. Андрею сложнее, чем Кастанеде, который был свидетелем фантастического полета в неведомое нагваля Хуана Матуса. Андрей не увидит, как и когда Хан остановит свою «Желтую стрелу». Однажды, место Хана в купе займет посторонний человек и лучшее, что он сможет сделать – передать письмо. Но для Андрея это не будет потрясением, которым – возможно – для Кастанеды стал уход последнего Нагваля. Андрей все тот же герой-одиночка, которым и был вначале. В этом смысле, Андрей и не совсем ученик. Писатель освобождает главного героя от этого, в чем-то обременяющего и обязывающего к великим поступкам и свершениям статуса. Писатель пытается сохранить за своим героем – как и читателем, впрочем – право свободного поиска истины, поиска вне традиции, каких-либо авторитетов или священных текстов. Раз уж встретить дона Хуана никому из нас не выйдет, то лучше как можно скорее снять это ограничение, переписать *код спасения* таким образом, чтобы дать шанс одиночке, который начинает свой путь с нуля, двигается вслепую, наощупь.

А у одиночки куда меньше времени, ведь за его спиной нет традиции, нет опыта предшественников. Его задача невероятно усложняется, ведь ему необходимо не только найти выход, но и успеть найти выход. Ключевое слово здесь – мистический, сакральный успех, ведь такому одиночке необходимо не только успеть разобраться в происходящем, но и успеть воспользоваться этим знанием.

Мы говорили, что героям «Затворника» противостоит система в образе комбината. Там есть противник, есть зримый враг, пусть даже не испытывающий ненависти, вероятнее всего даже не сознающий того, что для кого-то он является исчадием зла. Сотрудники птицекомбината просто делают свою работу. Но кто или что противостоит пассажирам «Стрелы»? Кто или что мешает им изменить свою жизнь, если мешает, конечно?

Что ж, наверняка есть виновники или даже виновник того, почему «Желтая стрела» превратилась в пожизненную тюрьму для своих пассажиров. Этим человеком может быть проводник, заинтересованный в том, чтобы никто и никогда этот поезд не покинул, с него не сошел. Возможно, в кабине этого поезда нет машиниста, но поезд идёт. Важнее, что все эти предположения несущественны, так как писатель не ставил перед собой задачу написать повесть или сценарий для фильма-катастрофы. В противном случае, мы бы получили превращение глубокомысленной лирико-философской истории в остросюжетный, но поверхностный боевик с хорошей порцией драйва для читателя и невроза для героев. История «Желтой стрелы» – это история мистическая, с краями скругленными в бесконечность, а потому и остановить такой поезд лучше всего изнутри, скажем так, в себе. Именно поэтому автор не заостряет внимание на фигуре проводника, не поднимает вопрос о наличии машиниста, проверки расписания или поиске стоп-крана. Если поезд и должен остановиться, то как-нибудь по-другому. Решить эту проблему в лоб, нахрапом, попросту не получится.

Да и ещё один важный момент. Прямой, непосредственной угрозы в виде разрушенного моста, который где-то там впереди – вроде бы как и нет. Это слишком отдаленная, размытая перспектива, чтобы прямо сейчас начинать нервничать и суетиться. К тому же это может

привлечь к себе лишнее внимание пассажиров, а кому понравится взбудораженный попутчик, наводящий лишнюю панику на пустом месте? Все спокойно, все на своих местах, а потому угроза железнодорожной катастрофы выглядит столь же далекой и абстрактной, как неизбежное угасание Солнца.

Вот и выходит, что скорейшего наступления решительного этапа для пассажиров – как бы не предвидится. В «Стреле» нет того давления обстоятельств, которое понуждало Затворника и Шестипалого сниматься с насиженного места. Да, поезд движется; да, лучше его как можно скорее покинуть, но когда именно он полетит в пропасть – вопрос, на который ни у кого нет, как и не может быть ответа.

Но в чем же тогда опасность промедления? И первые главы повести отвечают нам на этот вопрос. Опасность – забвение. Опасность – сон. Пассажиры «Стрелы» умирают поодиночке. Они вообще умирают так, что об этом знают все, чего стоит сцена похорон в четвертой главе повести. «Стрела» опасна не этим, а своей большей-меньшей пригодностью для жизни.

Пассажиры как-то обустроиваются внутри вагонов, привыкают, приспосабливаются к этому. Именно поэтому, каждый лишний день, проведенный на рельсах, становится уроком приспособления к такому, более чем ненормальному, противоестественному существованию. И если герой не ищет свободы, не пробивается с боем к выходу, то он автоматически становится слушателем других курсов. Ну, например как стать богобоязненным и законопослушным пассажиром. Несколько позже, в лице второстепенных, проходных персонажей будут представлены бывшие друзья Андрея, которые сделали выбор в пользу приспособления, дальнейшей прижизненной адаптации. Каждый из них находит свои оправдания, у кого-то бизнес, необходимость крутиться и выкручиваться, у кого-то – семья.

По ходу повествования, Андрею на глаза то и дело попадают разные пассажиры. И так как речь идет о людях, то это женщины в спортивных костюмах, с детьми на руках, мужчины с пивом, в общем, самые что ни на есть типичные обыватели. Это все тот же пресловутый социум, пусть и оторванный от нормальной повседневной действительности, но всё же худо-бедно приспособленный к происходящему.

Любопытно, что состояние детности подчеркивается писателем как атрибут привязки к внутреннему бытию «Стрелы». То есть, появление семьи, детей вынуждает забросить поиски стоп-крана и потихоньку обосновываться в одном из вагонов. Понятно, почему любовной линии не было в истории про Шестипалого, но заглядывая за этот текст в сторону первоисточника, мы видим, что подобного не было и в истории, рассказанной Кастанедой. Отсутствие любовной линии в «Желтой стреле» или других произведениях писателя, чем-то напоминает позицию закриптованного буддистского монаха. Мы видим, что Андрей пронзает социум, словно летящая стрела, хотя отношения с противоположным полом, как мне кажется, важнейший, если не сказать – неотъемлемый компонент социальной действительности. Несколько позже Андрей повстречается с одним из своих бывших друзей, кто успел обзавестись семьей. Так вот, с точки зрения, бодрствующего искателя истины, эти люди будут выглядеть довольно жалко.

Но Андрею попадают и холостяки, мужчины-одиночки. Здесь стоит сказать и несколько слов о Петре Сергеевиче. Перед нами типичный представитель старшего поколения, человек старой закалки. Интересно, что наконец-то мы видим личность, того, у кого есть имя. В «Затворнике» социум не атомизировался подобным образом, оставаясь галдящей агрессивной толпой, но теперь мы имеем возможность не только подойти поближе, но и вместе с главным героем оказаться внутри. Тем более Андрею придется снова и снова возвращаться домой, чем для него будет родное, однажды обжитое купе. И Петр Сергеевич станет для него не просто соседом или случайным временным попутчиком, а кем-то более близким.

Петр Сергеевич, что называется, из народа. В «Затворнике» им мог бы стать какой-нибудь сосед Шестипалого по кормушке, кто-то знакомый, но и чужой; с кем нет, как

и не может быть единомыслия. Петр Сергеевич сам по себе, но вместе с этим он – живое олицетворение железнодорожного социума. По аналогии с «Затворником» его взгляды и мнения являются производным от уже знакомой нам по «Затворнику» народной модели вселенной. Примечательно, что Петр Сергеевич не так глуп, как может показаться на первый взгляд. И что самое удивительное, он знает какие-то важные, я бы даже сказал ключевые вещи. Автор не говорит о том, что лицо Петра Сергеевича также потеряло свою актуальность, но и без того понятно, что Петр Сергеевич представлен как экспонат навсегда ушедшей эпохи. Он своеобразный динозавр, доживающий свой век в пыльном углу истории. Ему, впрочем как и Андрею, не так-то просто найти себе место среди реформ и преобразований, которые, по всей видимости, затрагивают все вагоны с хвоста поезда. Но Андрей ещё теряет актуальность, так сказать, по частям, тогда как в лице Петра Сергеевича это выглядит делом решенным.

Утрата актуальности видимо связана с ощущением своей неуместности, ненужности, что ли. Андрей не является аутсайдером, каким был Шестипалый, кем-то вообще вынесенным за границы социума и вынужденным как-то там выживать. В «Стреле» изгнание, утрата связи с социумом переносится на глубинный, внутренний уровень. Я уже говорил, что с поезда, идущего на полном ходу к неведомой для всех цели, не так-то просто кого-либо выгнать. Тем более, что внешнее пространство ассоциируется с пространством потусторонним, в некотором смысле – территорией смерти. Туда, в конце концов, выбрасывают гробы; это зона небытия, край мира, что-то сходное с тем, что мыслят и что представляют себе обычные бройлерные аборигены, когда смотрят на Стену Мира. Так что тут ничего не попишешь, что Андрею, что Хану, что Петру Сергеевичу нужно как-то смириться с текущим положением вещей. И из этой ситуации есть только один выход – остановка поезда.

3

*Вот твой билет, вот твой вагон.
Всё в лучшем виде одному тебе дано:
В цветном раю увидеть сон —
Трехвековое непрерывное кино.
Владимир Высоцкий*

Вторая глава включает в себя две встречи. Первая происходит за столиком вагона-ресторана, где Андрей стоически поглощает свой утренний рацион. Вторая – несколько позже, когда мы наконец-то знакомимся с Ханом. Код скрытых знаков продолжает просвечивать сквозь реальность «Стрелы» и мы вместе с героем замечаем обилие света, дрожащие светящиеся пятна, желтые стрелы лучей. Кажется, будто за окнами «Стрелы» нет ничего, кроме пылающего в своём сияющем великолепии бескрайнего солнечного океана. Глядя на солнечные лучи, падающие на скатерть, Андрей задумывается. Подобно своему желторотому предшественнику, некогда задающемуся вопросом о нитевидной сущности светил, Андрей пробует наделить желтые стрелы осознанием, сравнить своё существование со столь же – внешне – бесцельным полётом, что обрывается в грязном тупике одного из пустых вагонов. Жизнь – заплеванный прокуренный тамбур, куда неким таинственным, странным образом всё ещё проникает свет.

Андрей отказывается от алкоголя, словно трезвость помогает оставаться сами собой, настраивает на созерцательный лад, быть внимательным к мелочам и деталям окружающего мира. Встреченные люди предлагают ему выпить. Приглашение выпить, в этом смысле, подобно приглашению влиться в простой пассажирский коллектив «Стрелы». Человек, который отказывается, выглядит снобом, тем, кто пытается превознестись над окружающим, отрешиться от происходящего. Коньячок по-азербайджански в меню, деловитое участие официанта, как и что-то другое, выглядит анти-знаками, ложными маяками, приманками. Ведь и правда, что стоит опрокинуть сотку с утра пораньше? А тогда перестанет бить в нос чем-то горелым, липкие пятна на скатерти отойдут на второй план, да и вообще чего уж – уйдёт болезненная раздражительность, утренняя обострённость восприятия.

Андрей сопротивляется. Выбирая трезвость, Андрей выбирает сопротивление, а значит и продолжение пути, способного вывести его за пределы «Стрелы». В том-то и дело, что внутри вагонов поезда, кроме алкоголя попросту нет быстрых и простых способов хоть как-то примириться с происходящим. Выпить, значит присесть, задержаться, а то и разговориться с кем-нибудь, кто подсядет напротив. Это и есть начало примирения, с которого начинается сон под стук колес.

Проблема в том, что трезвость как право жить своей жизнью вызывает отчуждение, а то и враждебность со стороны других пассажиров. Они просто не могут не замечать этого. Но выпивать, а то и разговаривать с ними, значит задерживаться, а может и упускать нечто более важное. Куда проще встать и уйти из-за стола, где стоит пустая тарелка из-под пшенной каши, чем почаятая бутылка коньяка. И когда за стол Андрея подсаживается румяный седой мужчина в строгом черном кителе с небольшими серебряными крестиками на лацканах – это не застаёт героя врасплох.

Дословный перевод немецкого слова китель – рабочая блуза или спецодежда. В равной степени этот мужчина может быть как отставным сотрудником правоохранительных органов, так и проводником этого поезда. Между ними и главным героем завязывается непринужденный разговор, но человек в кителе не представляется проводником. Напротив, он ведет себя так, как странствующий миссионер. Невольно складывается впечатление, будто автор иронизирует по поводу встречи с типичным представителем какой-нибудь христианской конфессии.

На это, кстати, правда косвенно могут указывать серебряные крестики на лацканах, как и ещё два-три маркера, несколько позже проставленных писателем на фигуре этого или схожего с ним персонажа. Проповедник и миссионер, прикрывающийся формой проводника – сам по себе, простой убийный образ, адское сочетание, дьявольская смесь в одном флаконе. Когда нужно, он – миссионер и добрый проповедник, но если ты не принимаешь его веру, если сопротивляешься, то он – лицо, облеченное властью.

Униформа напоминает пассажирам, что перед ними тот, кто как-то связан с происходящим, кто несёт ответственность, кто может помочь. По идее, это должно располагать такого человека к себе. Бывает, конечно, и так, что человек в форме воспринимается как носитель потенциальных проблем и неприятностей. Такому лучше лишний раз на глаза не попадаться, и так далее. Для нашего менталитета это более привычно и понятно, но главный герой «Стрелы» воспринимает случайного собеседника как назойливую помеху, один из элементов окружающей обстановки, вроде звуков того же радио, что врываются в купе с первыми лучами солнца.

Странно во всем это то, почему проводник, если он таковым все-таки является, не вмешивается в происходящее? Почему он ведет себя как диверсант или кто-то подобный ему? Напрашивается мысль, что это маньяк-убийца, завладевший формой настоящего проводника, что это чудовищный психопат, взявший целый пассажирский состав под свой контроль. Но тут следует вернуться к истории про Шестипалого и вспомнить, как автор представил читателю бройлерных первосвященников. Как винтики системы с одной стороны, и торговцы народным опиумом – с другой. Точно таким же предстает этот румяный товарищ перед Андреем и читателем. Работа у него такая, – проговаривается он, после неудачной попытки склонить главного героя на свою сторону. В социуме неизбежно взаимное переубеждение, или как сказано мною ранее – забалтывание, заговаривание зубов друг друга. Просто в «Затворнике» откуда-то сверху спускалась концепция решительного этапа, после чего начинался дикий гвалт и клетот, а внутри «Стрелы» где-то громче, где-то тише звучат голоса тех, кто бормочет во сне, спящих соседей, других пассажиров. И все-таки мы знаем больше, чем Андрей или даже читатель, знакомый со «Стрелой» впервые. Андрей пока ещё не сознает себя пассажиром. Он чувствует какое-то неудобство, дискомфорт, а потому появление румяного радостного мужчины на этом фоне выглядит несколько противоречиво. Герою даже не нужно быть пробужденным, чтобы ощутить неуместность несколько глуповатой восторженности со стороны этого человека. Тем более неуместен внутри вагонов «Стрелы» разговор про отблески высшей гармонии.

Если проводник все-таки знает о надвигающейся катастрофе, то – возможно – примиряется, соглашается с этим так, как это делает Петр Сергеевич или кто-то другой. Он соглашается на то, чтобы всю жизнь влачить унылое и убогое существование в качестве одного из пассажиров «Стрелы», просто его положение чуть лучше, у него есть отдельное купе проводника, какие-то льготы и преференции.

Проводник ничего не говорит Андрею о «Желтой стреле». Как и о конечном пункте назначения. Он обходит эти темы так легко и непринужденно, словно и сам ничего не знает, то есть не помнит об этом. Но если проводник тоже спит, то судя по всему его спится куда более сладко, а значит для него все гораздо хуже. У него меньше шансов затрепыхаться в кошмарном сне, в судорожных попытках проснуться. Так и главный герой, зачем ему лезть на крышу «Стрелы», дружить с Ханом и думать о чем-то другом, если у него есть хороший жизненный план? Пусть у Андрея есть своё место в купе, что многим лучше пожизненного пребывания пассажиром плацкартного вагона, но в мелких деталях угадывается бедность, стесненность в средствах, необходимость в чём-то себя отказывать. Быть пассажиром поезда не то же самое, что быть гостем на борту круизного лайнера, да и в нашем представлении железнодорожное путешествие – чаще всего в плацкартном вагоне – это некое испытание, к которому нужно внутренне подготовиться. Сутки, а то и двое-трое должны на какое-то время стать

отдельной реальностью, куда придётся погрузиться целиком и полностью. Но писатель помещает своих героев внутрь поезда особенного, мистическим образом отвязанного от обыденной реальности. Это поезд, который идёт из ниоткуда в никуда, нигде и никогда не останавливаясь. Это место, где люди рождаются и умирают, промежду прочим устраивая свои дела, где они делают бизнес, встречаются и влюбляются. Но лишь немногие в этом потоке отказываются плыть по течению, продолжая быть пассажирами, они отказываются соглашаться с этим. Может статься, что молодые или, скажем так, новые пассажиры «Стрелы» поначалу испытывают сходные ощущения: неудобство, усталость, ощущение противостоестественности, какой-то ненормальности происходящего. Но каждый новый прожитый день внутри «Стрелы» – это в первую очередь урок выживания, приспособления, привычки.

По завершении непродолжительной беседы, румяный мужчина в кителе вручает Андрею буклет. Это тоже своеобразное послание. Но внутри «Стрелы» текст тексту – рознь.

Имеет значение, кто и что говорит, кто пропускает, ретранслирует через себя чье-то послание. Хан передает послание от тех людей, кто однажды сумел сойти с поезда, но что пытается всучить Андрею этот румяный мужчина в кителе? Румяный тусуется в вагоне-ресторане, а Хан на крыше поезда, так сказать, в андеграундной зоне железнодорожного бытия. Хан оставляет Андрею письмо, а румяный даёт цветной буклет. И так далее. И что, по итогу, Андрей делает с буклетом румяного? Не читая, засовывает себе в карман.

Вот и весь сказ. Человек в кителе – некто, принадлежащий миру «Стрелы», её внутреннему социуму, в большей степени прочитывается как всё тот же ложный маяк, помеха или даже капкан, которые приходится обходить герою. Подобно Стене Мира для Шестипалого или кого-то из Двадцати Ближайших, румяный для Андрея словно деталь, один из движущихся компонентов мира-ловушки. Сознавая это, легче проявлять снисхождение к таким людям. Достаточно помнить о том, что они обезличенные детали машины, запчасти системы, из чего неизбежно рождается понимание, сочувствие, прощение. Но они все-таки и живые. А потому у каждого из них ещё есть шанс. В этой связи, важно отметить, что ни у Андрея, ни у Хана нет явных врагов. Есть общая, хотя и подспудная враждебность со стороны других пассажиров, но она объясняется в большей степени личными, сугубо эгоистичными мотивами. Андрей мешает им не потому, что ищет истину на крыше «Стрелы», а потому что занимает место в купе. Что касается друзей и сочувствующих, то они просто мягко подталкивают Андрея в нужную, как им кажется, сторону. И чем быстрее – с их точки зрения – герой закончит страдать фигней, тем больше у него шансов что жизнь как-то сложится.

Затворник предпочитал подолгу не зависать внутри отсека для цыплят. Жизнь на конвейере, на всем готовеньком – убаюкивает и расслабляет. У Андрея или Хана такой альтернативы нет. Есть вариант почаще выбираться на крышу поезда, но там свой гипноз, свои заморочки.

4

*Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!
Николай Гумилёв*

А чем вообще занимается главный герой? Забавно, но чем вообще будет заниматься пассажир, забывший о том, что он пассажир? Социум пытается притянуть Андрея на одну из своих орбит, захватить в поле своего притяжения везде, где это возможно. Это пока ещё достаточно мягкое давление, суровая действительность не спешит прижимать героя к стенке последнего вагона с вопросом, ты пассажир или все-таки нет? Но все-таки давление нарастает и с каждым днем становится все более ощутимым.

Важно, что Андрей не бомж и не бродяга. У него есть купе, куда он может вернуться, круг знакомых, в общем, какие-то стартовые, мало-мальски приемлемые условия. Бельё поменяют, миску каши нальют – уже не замерзнет, да с голоду не помрет. Ко всему прочему, пассажир «Желтой Стрелы» по определению не может быть безбилетным. А если у тебя есть билет, то должно быть и место. Разумеется, что внутри «Стрелы» тоже есть свое общественное положение, связанное с уровнем социальной значимости, но все-таки мы видим Андрея более-менее благоустроенным пассажиром, а не бездомным, затерявшимся в одном из дальних неотопливаемых вагонов.

Интересный момент, что битва за улучшение своего положения внутри «Стрелы» имеет свою цель не только материальное процветание, но и признание, успех в глазах себе подобных. На Андрея будет давить мнение окружающих, которые начинают видеть в нём эскаписта, беглеца от действительности. Но попробуем задуматься вот над чем. Там, за рубежом тридцатилетия обитают повзрослевшие пассажиры, что так и не сумели остановить, и уж тем более покинуть свой поезд. Это сообщество примирившихся, понимай, проигравших, это духовная оппозиция таким как Андрей или Хан, а потому невозможно сохранять паритет, длительное время находясь среди них. Такой Петр Сергеевич будет терпеть страдания Андрея всякой фигней, но лишь до поры до времени. Настанет день, когда он просто вынесет ему мозг, а то и сделает чего похуже. Например, попросит освободить купе. В этой истории «Стрелы» и «Затворника» очень похожи. Невозможно, живя в социуме, игнорировать всеобщую подготовку к решительному этапу. Давление общественности будет усиливаться с каждым днем, понуждая героя действовать. Альтернатив немного: уйти в религию или нырнуть в стакан, но Андрей пока ещё лавирует между тем и другим.

Во второй главе Андрей приходит к Хану. Это взрослый мужчина лет пятидесяти, с внешностью восточного типа, но не старик. Любопытно, что местами Хан ведет себя во вполне донхуановском стиле. Так, он довольно грубо встряхивает Андрея за воротник куртки, помогая тому прийти в себя. Если вспомнить, Хуан нередко сдвигал точку сборки Карлоса в состояние повышенного осознания похожим образом. Для Карлоса это ощущалось как удар или сильный хлопок по спине. Вряд ли имеет смысл детально разбирать диалог между Андреем и Ханом, важно, что последний помогает герою прийти в себя, вырваться из сонного, полугипнотического оцепенения.

Инсайт Андрея можно соотнести с прозрением Шестипалого, когда тот открыл для себя истину. Но огромное различие в том, что нагваль как раз и нужен, чтобы научить видеть и открыть ученику правило, а в «Стреле» декларируется новая возможность – ты знаешь, каждый из нас знает, просто забыл. Или крепко спит. Учитель нужен, чтобы помочь вспомнить.

Мы видим, что Хан полезен и важен для Андрея, но главный герой может прийти к этому знанию и как-то иначе.

Иначе говоря, прийти к этому своим путем. Автор разрывает оковы традиции, выпестованного таким образом учения. Хочет он того или нет, но учитель, подобный Затворнику или дону Хуану превращается в кумира, идола. Чуть ли не священный авторитет начинает тянуться прицепом за образом того же дона Хуана, который вроде как и учителем себя не называл и Карлоса ни к чему не обязывал.

Забавная переключка: учение Хана – учение дона Хуана. Что ж, учение первого может быть сведено к нескольким ключевым постулатам: нормальный пассажир не рассматривает себя пассажиром – если ты знаешь об этом, то пассажиром уже не являешься – не столь важно, есть ли что-нибудь кроме поезда, но важно жить так, словно с него можно сойти – когда человек перестает слушать стук колес, он соглашается быть пассажиром – самое сложное в жизни, ехать в поезде и не быть пассажиром – чтобы это не затянулось, надо перестать быть пассажиром – были пассажиры, которые навсегда перестали быть пассажирами. . .

Нельзя сказать, что автор здесь повторяется, но Затворник мог бы сказать Шестипалому что-нибудь похожее. Например, нормальный цыпленок не рассматривает себя пассажиром конвейера – если ты знаешь об этом, то надо считать лампочки – не столь важно, есть ли что-то кроме комбината, но жить надо так, словно с него можно улететь, ну и так далее. Но сюжетная линия «Стрелы» отклоняется от маршрута, проложенного историей про желторотых цыплят. В противном случае, мы бы получили Андрея, изгнанного из купе без права возвращения, который направляется в один из дальних плацкартных вагонов поезда, где встречает Хана. Тот берёт его за собой на крышу поезда, а там уж и обнаруживается истинная подоплёка происходящего: мир – это поезд, следующий к разрушенному мосту. Затем, герои проходят путь, подобный тому, которым следовали Затворник и Шестипалый – встречают союзника, разбираются с проводниками, а то и машинистом, пока, в конце концов, не прыгают с крыши поезда на полном ходу в реку. Вот это, наверное, и было бы репликой истории про «Затворника», что в истории про людей неизбежно скатилось бы в плоскость повести-катастрофы, оригинального, но одноразового боевика. И именно поэтому, ни проводник, ни машинист не могли получить орден главных плохих парней. Стоило показать проводника тем, кто хоть как-то ответственен за происходящее, как мы бы получили типичный линейный конфликт, где есть хорошие парни и злодеи.

В «Затворнике» социальные разборки закончились быстрее, чем успели начаться. Автор вывел героев из отсека для цыплят, а позже, под конвейером, им пришлось решать проблемы несколько другого уровня, чем выяснение отношений с невменяемыми сородичами. Даже крысы упоминаются там постольку – поскольку. В повести про цыплят также нет одномерных и линейных конфликтов. Это история про поиск свободы, а не войну с крысами. На фоне сказанного, невольно представляется превращение истории про Кастанеду и дона Хуана в примитивный голливудский боевик, где индеец решает, разруливает, так сказать, проблемы с местными бандитами, спасает Кастанеду из лап наркокартеля и так далее, тому подобное.

Но вернемся в один из вагонов «Стрелы». Даже появление проводника не выглядит проблемой, что требует немедленного разрешения. Проводник не противопоставляется главному герою настолько, чтобы это привело к сжатию пружины конфликта. Я думаю, на примере этого персонажа автор обыгрывает мысль, что некто, подобно сотрудникам комбината может обслуживать и этот конвейер в виде вагонов, катящихся по проложенным рельсам. И только знание о том, что поезд идет к разрушенному мосту превращает этого человека в анти-проводника, анти-сталкера.

Несколько позже, Хан, выражаясь несколько туманно, говорит Андрею о своих предшественниках. О тех, кто однажды передал ему подлинное знание о «Желтой Стреле». Я нахожу эту сцену очень поэтичной, как и образы неведомых героев, искателей истины, которые сошли

с поезда глубокой ночью, когда тот остановился посреди бескрайнего поля. Легенда это или нет, но после сказанного границы возможного как будто раздвигаются: поезд можно остановить, а туда, вовне – можно уйти. Правда, это невольно возвращает нас к тому, что начинает казаться традицией. Чем-то, у чего были свои истоки, но что было сохранено и передано дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.